Дождь лил уже целую неделю.

Лин Су стоял у окна, одной рукой помешивая костный бульон в кастрюле, а другой рассеянно почесывая упрямо топорщившуюся на макушке прядку. Тяжело вздохнув, он встал на цыпочки и распахнул окно.

Куст камелии в его дворе как раз собирался зацвести: темно-розовые бутоны были усыпаны капельками влаги, такие нежные, что просто глаз не отвести.

Лин Су уже взял телефон и хотел сделать снимок, застыв в половине нужной позы, как вдруг его кирпич в кармане заверещал и затрясся так яростно, что Лин Су чуть не угодил головой прямо в стоящую рядом кастрюлю.

Он с досадой принял вызов:

— Старый братец, чего на этот раз?

Голос в трубке звучал звонко и бодро:

— Что сегодня на обед?!

Лин Су сразу понял, что звонит его дедушка. Тяжело вздохнув, он заглянул в кастрюлю, чтобы успокоить проголодавшегося старого ребенка:

— Костный бульон, тыква с яичным желтком и цынтуань.

— Вот и славно!

Лин Су с улыбкой ответил на пару фраз, забыл про фотографии и, сбросив вызов, принялся спасать костный бульон, который уже начал убегать из кастрюли.

Пару дней назад этот старый ребенок неудачно упал: кубарем скатился со ступенек центра для пожилых людей и угодил прямо в стационар больницы.

Будучи единственным бездельником в семье, Лин Су вполне естественно взвалил на свои плечи тяжкий груз повара и сиделки.

Он аккуратно разложил по контейнерам утреннюю еду, перелил только что сваренный суп в термос, подул на свои покрасневшее от жара пальцы, подхватил сумки и пакеты, запихнул Цзуцзуна в кошачью переноску, повесил её на плечо и только после этого вышел из дома.

Третья больница Хайчэна была самым неприметным медицинским учреждением во всем городе: уровень лечения средний, оборудование еле дотягивает до нормы, расположение

неудобное, а атмосфера шумная и суетливая. Единственным её плюсом было то, что находилась она в старом районе — совсем рядом с маленьким двориком Лин Су.

У Лин Су была кофейня во дворе — маленькая, но очень известная, которая то и дело мелькала в его влогах.

Благодаря золотым рукам Лин Су, его симпатичному лицу и популярному влогу о жизни, в это заведение всегда выстраивались длинные очереди, хотя график работы у него был куда более непредсказуемым, чем критические дни у юных барышиц.

В последнее время Лин Су был занят уходом за дедушкой и не открывал кофейню почти целую неделю.

Каждый день он получал десятки слезных жалоб: подписчики угрожали выйти на улицы с плакатами и искать его по всему городу, если он не откроет кофейню. Только поэтому Лин Су пришлось срочно вызывать знакомого бариста на подмену, а заодно отправить туда Цзуцзуна, чтобы тот успокоил разъяренную общественность.

Ах да, Лин Су держал кошек.

У него жил мейн-кун по кличке Цзуцзун.

И еще рэгдолл по кличке Да Е.

Будучи закоренелым холостяком, родившимся под знаком одиночества, Лин Су оставался единственным угнетенным рабочим классом во всей семье.

Сам он питался объедками, зато кошкам доставался лучший корм.

Просто до слёз жалко.

Качая головой, Лин Су вышел из автобуса. Крепко сжимая в руках контейнеры и термос, он с трудом пробился сквозь толпу суетящихся у входа в поликлинику дедушек и бабушек и побежал по дождю в корпус стационара.

Людей в стационаре Третьей больницы было немного, и большую их часть составляли пожилые пациенты. Свет люминесцентных ламп падал на тихий, пустой коридор, выглядевший даже пугающе.

Лин Су с детства боялся темноты и призраков, поэтому, прижимая термос к груди, он быстрым шагом зашел в лифт и успокоился только тогда, когда, выйдя на нужном этаже, услышал громогласный, пронзительный голос деда.

В молодости дедушка Лин занимался кадровыми вопросами, а уж подвешенным языком обладал таким, что казался прирожденным мастером разговорного жанра, чье призвание безнадежно загубили. В их палате стояло шесть коек, и, стоило дедушке Лину туда заселиться, как он тут же стал всеобщим любимцем, а палата каждый день шумела, будто на партийном съезде.

С улыбкой толкнув дверь, Лин Су по очереди поздоровался с остальными дедушками.

Лин Су закончил университет всего пару лет назад, а благодаря детскому лицу и копне мягких пушистых кудрей он выглядел еще моложе своих лет. Сейчас, с контейнером для еды в руках, он был точь-в-точь как школьник, прибежавший после уроков навестить больного.

— А вот и Сяо Лин пришел! Что ты сегодня вкусненького приготовил? — спросил кто-то у окна.

Лин Су еще не успел поднять голову, как услышал, что дед снова принялся за свое.

— Костный бульон! — дедушка Лин покачал головой. — А как этот суп варит наш Лин Су!.. Тц-тц-тц-тц…

Лин Су опустил голову, поправляя деду одеяло, и достал из сумки контейнеры с термосом. Но едва он наклонился, как вдруг у самой своей руки услышал странное, едва различимое шуршание.

— Ого, целую кастрюлю приволок, — тон дедушки Лина мгновенно изменился. — И не думай делиться с этими старыми хрычами!

— Ой, перестаньте, — Лин Су приподнял спинку кровати, чтобы деду было удобно сидеть, и безжалостно разоблачил его: — Похоже, среди всех присутствующих вы здесь самый старый.

Закончив говорить, он не обратил внимания на недовольное ворчание деда и шагнул в сторону:

— Почему сегодня шторка задернута?

Койка дедушки Лина стояла в самом центре палаты, а этот старый ребенок минуты не мог усидеть на месте — лежать целыми днями для него было хуже смерти, и если бы он даже не мог смотреть на происходящее за окном, то наверняка впал бы в депрессию.

К счастью, кровать по соседству с дедушкой Лином пустовала с самого его заселения, что давало ему хоть крошечную возможность издалека любоваться птичками за окном.

— Сегодня во дворе распустилась камерия, — Лин Су подошел ближе, закатывая рукава худи, и обернулся к деду: — Вообще-то я хотел сфотографировать её для тебя, да только ты позвонил и стал требовать обед, едва я схватился за телефон.

С этими словами Лин Су протянул руку и под ошеломленными взглядами сидевших напротив дедушек решительно, смело и без малейших колебаний дернул занавеску, разделявшую соседние койки.

Если бы Лин Су посчастливилось оглянуться на свою жизнь перед лицом смерти…

То эта сцена определенно заняла бы первое место в списке моментов, когда он чувствовал себя донельзя растерянным, смущенным и испуганным, но при этом настолько неловким, что просто не знал, куда деваться.

Одной рукой он все еще сжимал край занавески, застыв в крайне нелепой позе, и во все глаза смотрел на человека, которого разбудил этот шум.Лин Су вот так воочию наблюдал, как те полуприкрытые глаза чуть-чуть приоткрылись. Эти глаза были глубокими, как море, зрачки — угольно-черными, спокойными и бесконечно далекими, а длинные пушистые ресницы отбрасывали густую тень на уголки глаз, донельзя напоминая бабочку, расправляющую крылья в лучах света.

Густые брови, глубоко посаженные глаза — внешность у него была донельзя яркая, но при этом от всего его облика веяло холодом и отстраненностью.

Если бы спящую красавицу можно было превратить в мужчину, он, пожалуй, выглядел бы именно так, — подумал Лин Су.

Подобно какому-нибудь воробью, посреди бела дня потревожившему полуденный сон принцессы, он стоял в стороне, держа в руках занавеску: уйти было нельзя, оставаться тоже, оставалось лишь смотреть на бесстрастное лицо этого человека, натягивать виноватую улыбку и безумно хлопать глазами, изо всех сил стараясь выразить свои извинения.

Но в ответ — тишина.

— Эм-м, Сяо Лин, — сидевший напротив дедушка тоже выглядел несколько смущенным и, кивнув подбородком, представил гостя: — Это Сяо Хэ, только сегодня прибыл.

— А, — Лин Су помахал ему рукой. — Привет?

Принцесса на кровати едва заметно кивнула, а спустя долгое время, даже не повернув глаз, слегка шевельнула губами:

— Привет.

У Лин Су дернулось веко.

Разве можно быть *настолько* [вырезано] красивым?!

Разве можно из-за своей красоты вести себя так пренебрежительно и никого не замечать?!

Лин Су недовольно нахмурился и со злости резко опустил занавеску.

Ладно, тебе можно.

Лин Су отроду не умел сопротивляться людям с красивой внешностью.

— Слушай, Сяо Хэ, — когда Лин Су вернулся к окну, Дедушка Лин притянул его к себе, заставляя согнуться в три погибели, и зашептал: — Глаза.

Дедушка изобразил жест перед собственными глазами и очень осторожно беззвучно проговорил губами:

— Не видит.

Лин Су от удивления приоткрыл рот, оглянулся и сквозь занавеску посмотрел на смутный силуэт.

Такая красивая пара глаз — и вдруг слепой?

— Сегодня только привезли, ухода никакого, до чего же жалость, — вздохнув, дедушка взял с тумбочки свой маленький контейнер для еды и покачал головой. — Что ни спросишь — ничего ему не надо, телевизор не посмотришь, газету в руках не уержишь, сидит тут медитирует с самого утра.

С этими словами добросердечный Дедушка Лин всё же не сдался и, собираясь выпить супу, взял в руки термос и поинтересовался:

— Сяо Хэ, будешь суп? Костный бульон, Сяо Лин с самого раннего утра варил.

Лин Су положил руки на колени и замер в ожидании ответа, послушный и кроткий, точь-в-точь ребенок из детского сада.

Однако спящая красавица, судя по всему, чужой еды не принимает.

И верно, Лин Су прождал целую вечность, но никакого отклика не последовало.

Впрочем, и понятно: соседи по палате из стариков целыми днями ломались, прежде чем осмелиться отвезти гостинцы, которые приносил Лин Су, а уж этот холодный парень, не проронивший ни слова, с чего бы ему соблазниться кастрюлей костного бульона?

Бульона.

Бульона…

— Ты чего завис? — Лин Су еще не успел опомниться от собственного внутреннего эха, как дедушка бесцеремонно вывел его из задумчивости легким толчком.

— А? А? — растерянно моргая, Лин Су опустил голову.

Дедушка одарил его презрительным взглядом, словно говоря: «Эх ты, бестолочь», — и произнес:

— Я вообще-то кушать хочу.

Лин Су тут же опомнился, торопливо наполнил пиалу супом, устроился рядом с дедушкой и, зачерпнув ложку, принялся бережно остужать ее, дуя на бульон.

У Лин Су были поистине золотые руки. Обычный костный бульон, который вполне мог бы сойти за повседневную больничную пайку в отделении травматологии, в его исполнении заиграл новыми красками.

Аромат струйками поплыл по палате, да так соблазнительно, что сидевшие напротив Да Е, только что закончившие трапезу, тут же потеряли всякое спокойствие и принялись вовсю требовать, чтобы Старик Лин оставил им хоть чуть-чуть.

С улыбкой утирая дедушке рот маленьким полотенцем, Лин Су вдруг обернулся и заметил, что разделяющая их занавеска неизвестно когда снова оказалась отдернута.

Красавец одной рукой сжимал ткань и жалобно, совсем чуть-чуть, высунул голову.

Тихий и бледный, он покусывал губы — должно быть, проголодался, но не смел попросить, пытался украдкой оглядеться, да только ничего не видел.

То, как его изящные пальцы вцепились в белоснежный уголок одеяла, выглядело донельзя жалобно — точь-в-точь бродячая собака, которая вечно околачивается у порога дома Лин Су в ожидании объедков.

— …Господин… Хэ? — Лин Су немного помедлил с пиалой в руках, не решаясь сказать, что по его движениям и так всё прекрасно видно, поэтому ему оставалось лишь обойти всю палату с термосом в руках и замереть у кровати спящей красавицы, делая вид, что он просто интересуется между делом: — Не хотите попробовать? Я неплохо готовлю.

Красавец ничего не ответил и не отказался — лишь поднял голову и, уловив на слух направление голоса, попытался отыскать Лин Су.

Взглянув на его лишенные блеска зрачки и растерянный вид, Лин Су в какой-то момент почувствовал, как что-то кольнуло его в сердце.

Он притащил свой маленький табурет, уселся прямо у постели красавца, прижимая к груди кастрюльку с супом, и мягко произнес:

— Давайте я вас покормлю.

http://bllate.org/book/40887/5201144